

ВСЯ ПРАВДА
О СПЕЦНАЗЕ

АНДРЕЙ БРОННИКОВ

**ДЕВЯТАЯ
РОТА**

ФАКУЛЬТЕТ СПЕЦИАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ
РЯЗАНСКОГО УЧИЛИЩА ВДВ

Андрей Эдуардович Бронников
Девятая рота. Факультет
специальной разведки
Рязанского училища ВДВ
Серия «**Вся правда о спецназе.**
Мемуары бойцов спецподразделений»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22958691

Девятая рота. Факультет специальной разведки Рязанского училища

ВДВ: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906880-73-4

Аннотация

В августе 1968 года в Рязанском училище ВДВ было сформировано два батальона курсантов (по 4 роты в каждом) и отдельная рота курсантов частей спецназначения (9-я рота). Основная задача последней – подготовка командиров групп для частей и соединений спецназа ГРУ. Девятая рота, пожалуй, единственная, ушедшая в легенду целым подразделением, а не конкретным списочным составом. Прошло уже больше тридцати лет с тех пор, как она перестала существовать, но слава о ней не угасает, а скорее, наоборот, растет. Андрей Бронников был

курсантом легендарной 9-й роты в 1976–1980 годах. Спустя много лет он честно и подробно рассказал обо всем, что с ним произошло за это время. Начиная с момента поступления и заканчивая вручением лейтенантских погон...

Содержание

Предисловие	6
От автора	12
Из истории Рязанского воздушно-десантного училища, 9 рота	14
Глава 1. Пролог. Трагедия	17
Глава 2. «Абитура». Поступление	24
Глава 3. Карантин. Начало	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Бронников
Девятая рота. Факультет
специальной разведки
Рязанского училища ВДВ

© Бронников А. Э., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие

Этого предисловия первоначально не должно было быть, но собирая материал для книги, я почти случайно на городском сайте г. Ржева обнаружил опубликованные там в 2007 году воспоминания ветерана Великой Отечественной войны полковника Ашихмина. На первый взгляд они не имеют отношения к теме моих воспоминаний, но не поместить их здесь я просто не мог.

«Давно утихли бои под Ржевом, но болят старые раны у солдат и напоминают те тяжелейшие дни, о которых А. Твардовский сказал: «Этот месяц был страшен, Было все на кону...» Редакция получила письмо гвардии полковника в отставке Степана Ашихмина. Он и его брат воевали на Тверской земле. Брат погиб и здесь похоронен.

Степан Георгиевич Ашихмин за время войны был шесть раз ранен, из них трижды на нашей земле – под Ржевом и в боях за город Белый. Сегодня мы печатаем его краткие воспоминания.

«В январе 1942 года мы, сержанты-железнодорожники, стали сержантами пехоты и выехали на фронт.

В ночь с 5 на 6 апреля мы переправились по хрупкому весеннему льду через Волгу (ночью лед слегка подмерз), а дальше, минуя Глядово, Погорелки, вышли к деревне Черново.

Не задерживаясь, всем скопом, без какой-либо поддержки артиллерией или танками, с винтовками наперевес, пошли в наступление.

Немцы не дали пройти нам и двухсот метров, как открыли огонь из всех видов оружия. Рота залегла. Долго лежали в снегу, воде – кому как пришлось, переползали в воронки с водою, а немцы все били и били. Разрывы мин вздымали столбы грязи и воды, стонали раненые – помочь было некому, команд никаких, стрелять из винтовок по пулеметам никто не решался, страшно было поднять голову.

Но вечно лежать в воде не будешь, кое-как собрал ближних солдат своего отделения, и где ползком, где перебежками мы отошли на опушку леса, на ту, от которой начинали наступление.

Здесь встретил политрука роты. Тот собрал остатки роты, постарался нас ободрить – из средних командиров остался только он – и снова пошли в наступление, стреляя из винтовок и автоматов, а когда вышли на рубеж атаки, то атаковать уже было некому.

Снова лежим, кто остался еще в живых, в снегу и воде, а немец бьет и бьет. Так дождались темноты. Политрука вынесли на руках: от переживаний у него отнялись ноги.

Ночью все разбрелись по лесу – голодные, мокрые. Убитые остались лежать на поле, раненые кое-как ковыляли сами, тяжелые – искали помощи санитаров.

К утру нашли кухню, поели.

Пришлось принять команду над остатками роты. Из 151 человека нашей 3-й стрелковой роты осталось 38. Нас передали во 2-ю роту – и снова в наступление. Снова никакой поддержки, снова неудача, и вывел я из боя последних 12 человек. Так полегла наша 3-я стрелковая рота под деревней Овсянниково.

Я был тогда сержантом и командовал всего-навсего взводом, в котором не насчитывалось и 20 человек. Что делалось с полком, я, которому и головы-то поднять было невозможно под пулеметным огнем, сказать не могу.

Полагаю, что в других ротах дела были не лучшие, потому мы и перешли к обороне.

Как всегда, немцы заняли позиции по высотам, а нам пришлось обороняться в болотистом лесу. Окопы копать нельзя: копнешь лопатой – и сразу вода. Приспособились делать хоть какое-то подобие окопов: укладывали два-три бревна одно на другое и с наружной стороны приваливали эсидкой землей.

Немецкие артиллеристы обрадовались такой видной цели и начали регулярно выкатывать орудие на прямую наводку и разносить наши бруствер в щепки. Потом орудие быстро прятали.

Мы решили отбить им охоту тренироваться в стрельбе по нашему горе-окопу. Ночью поставили станковый пулемет на фланг взвода и замаскировались. Только утром немцы резво выкатились на свою излюбленную позицию, как мы

так с ними разделались, что орудие и убитых они сумели убрать лишь поздно ночью.

Противник наступать не собирался, но досаждал нам артиллерийскими налетами, а между ними целыми днями вел методичный огонь. У немцев снарядов всегда хватало. Один из таких случайных снарядов посеял осколками мои измызганные штаны и рукава гимнастерки. Они свободно болтались на моем отощавшем теле, поэтому меня не задело. Отдых от обстрелов наступал с темнотой.

Наша оборона в районе деревень Глядово, Погорелки, Черново Оленинского района представляла своеобразный плацдарм на правом берегу Волги (8-10 км по фронту и 6-7 км в глубину).

В апреле, когда лед подтаял, а потом начался ледоход, сообщение с нами было прервано. С боеприпасами и раньше было плохо, а вот с питанием... теперь даже не хочется вспоминать.

«Кормили» нас через день или два, давая половину котелка какой-то кашицы с сухарями или кусочком хлеба. Люди отощали, глаза провалились, думы только и были о том, как бы чего поесть. Многие заболели куриной слепотой. Это значит – пока светло, они видят, а чуть стемнело, могли ходить только с поводырем. Испытал эту болезнь на себе и я. Страшно представить такую оборону, когда противник мог прийти и забрать слепцов в плен.

Солдаты стали ходить в сожженные деревни Глядово и

Погорелки, копались в подвалах и погребях, добывая прокисшую картошку, а потом разводили костер и на малых саперных лопатах, как на сковородке, пекли лепешки. Какое это было «едово», можно представить, но ели: других разносолов не было, и желудок все же чем-то наполнялся.

Великой роскошью считалось, если удавалось найти зарытую в землю бочку с рожью. Из нее варили кашу и блаженствовали. Но такие праздники были совсем редко.

Лед прошел, тыловики зашевелились, и с 1 мая 1942 года мы начали получать по 700 граммов хлеба и два раза в день жидкую кашу. Привезли махорку. Жить стало повеселее, но мы все равно едва таскали ноги.

Про оборону в апреле-мае только и осталось в памяти, что ходили голодные, вишивые, немывые. Тяжело!

Июнь-июль простояли на формировании. Там мне было присвоено воинское звание младший лейтенант.

30 июля от деревни Дешевка начали наступление на Ржев. Поначалу успешно прошли 7–8 км, но с утра пошел дождь, и все, что было на колесах, отстало в болотах. К вечеру подошли к деревням Полунино, Галахово (4 км севернее Ржева). Атаковали опорный пункт немцев, но неудачно. При очередной атаке 1 августа я получил ранение в шею разрывной пулей, а еще добавило осколком в правую челюсть. Но тут спасла каска, и челюсть не снесло начисто.

Отлежал в госпитале, и снова в бой. Тут я оказался в отдельном лыжном батальоне 17-й гвардейской [бывшей 119-

й Красноярской] стрелковой дивизии под городом Белый.

7 декабря в ночном бою у деревни Цицыно пулеметная очередь прошла мне обе ноги, и я на три месяца попал в госпиталь.

Подлечили – и вперед, на запад!»

В первом ряду крайний справа полковник Ашихмин С. Г.

Такие люди, как Степан Георгиевич Ашихмин, не могли не воспитать себе достойную смену, и я надеюсь, что нижеизложенное повествование послужит тому доказательством.

От автора

По армейской службе почти каждого выпускника девятой роты Рязанского воздушно-десантного училища можно написать объемистый захватывающий приключенческий роман, в некоторых случаях с трагическим концом, а в некоторых и с грифом «секретно». Я не из их числа, поэтому попытался записать некое обобщающее документально-художественное повествование курсантской жизни факультета специальной разведки, чтобы без лишних прикрас и мифов поведать, как жили, как учились и как воспитывались командиры частей и подразделений специального назначения ГРУ.

Память – штука субъективная и недолговечная, поэтому детали и хронология почти наверняка нарушены, но вот достоверность эпизодов, событий не должна быть подвергнута сомнению. Все это было переживаемо героями. Понимаю, что не смог перечислить и упомянуть всех, с кем сталкивала меня судьба, но, увы, это было просто не в моих силах.

Приношу извинения моим друзьям, однокашникам и сослуживцам за излишнюю патетику и порой пафосный стиль, потому что такое в этих кругах не приветствуется, а то и вовсе является полным моветоном.

Благодарю Игоря Скирту, Сашу Зайкова, Валю Ганчука, Евгения Никонова за помощь в написании романа. Отдельное спасибо Алексею Михайлову за подготовку и предостав-

ление отдельных материалов. Фотографии из личного архива автора, а также Е. Никонова, А. Хамзина. Некоторые снимки были взяты из свободного доступа сети Интернет, в том числе – соцсети «Одноклассники».

С уважением курсант второго взвода (выпуск 1980 г.) девятой роты

Бронников Андрей.

Из истории Рязанского воздушно-десантного училища, 9 рота (монография В. Шайкина)

29 августа 1968 года – училищу присвоено имя Ленинского комсомола.

Училище стало именоваться Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола.

В августе 1968 года училище было переведено на штат 13/823 численностью 900 курсантов, 582 военнослужащих и 270 рабочих и служащих¹.

По новому штату в училище были сформированы основные подразделения:

два батальона курсантов по 4 роты каждый;
рота курсантов частей спецназначения².

Это была легендарная 9-я рота, отцом-основателем которой стал полковник Иван Щелоков. Именно с этого времени воинские части и подразделения специального назначения стали комплектоваться квалифицированными офицерами –

¹ Директива ГШ ВС СССР № Орг/11/125674 от 28.06.1968 г.

² ЦАМО. Ф. 60066, Оп. 717443с. Дело 2. Лист 1.; Приказ МО СССР № 0876 от 26.07.1967 г.; Приказ МО СССР № 213 от 29.08.1968 г.

выпускниками РВВДКУ. В самом начале рота состояла только из двух взводов. Первый взвод был набран в основном из выпускников суворовских училищ и военнослужащих. Второй взвод составляли курсанты второго курса 7-й и 8-й рот РВВДКУ. В 1970 году было принято решение набрать третий взвод, а в 1971 году – четвертый.

В 9-й роте одновременно учились представители всех четырех курсов, что, несомненно, влияло на отношения внутри коллектива. Он отличался особенной сплоченностью, в нем не было даже намека на неуставные отношения. Старшие всегда помогали младшим без всякой заносчивости и зазнайства. А младшие с уважением, но сохраняя собственное достоинство, относились к старшим. В те годы рота уверенно держала первое место в училище и по учебе, и по спорту.

Необходимо отметить, что среди предметов, изучаемых курсантами, особое место отводилось иностранным языкам. В роте изучали четыре иностранных языка: английский, немецкий, французский, китайский. С 1980 года в связи с применением подразделений специального назначения в республике Афганистан был введен для изучения персидский язык.

Основной задачей обучения курсантов являлось формирование у них прочных навыков выполнения учебных и боевых задач в роли командиров групп специального назначения.

Мы были лучше и честней,
Мы нашу жизнь, как песню, пели.
И над могилами друзей
Который год поют метели.
Уютный дом и тишина
Нам доставались в жизни редко,
У нас с тобой – одна война,
Одна профессия – разведка.

(слова из песни)

Глава 1. Пролог. Трагедия

*1976 год, Рязанская область. Площадка приземления
Житово*

Руководитель прыжков и заместитель начальника училища (начальник учебного отдела) полковник Ашихмин расхаживал по командному пункту, который представлял собой огороженный металлическими тросиками участок поля площадью не более десяти квадратных метров. В центре стоял раскладной стол, рядом два алюминиевых стула. На одном сидел радист, склонившийся над тяжелой радиостанцией, обеспечивающей связь с самолетом Ан-22, который в настоящий момент заходил на боевой курс. Второй стул был свободен.

Полковник был спокоен и уравновешен, что случалось не часто. Когда Ашихмин нервничал, а тем более злился, лицо его становилось пунцовым и гневным. За это свойство ему немедленно было присвоено прозвище «Синьор Помидор».

Авторство осталось неизвестным, но можно с полной уверенностью сказать, что изобретатель должен был обладать достаточной глупостью, потому что назвать так ветерана ВДВ, участника Великой Отечественной войны, орденосца и просто отважного воина, солдата было как минимум свинством. Второе прозвище Ашихмина было куда более до-

стойным – «Дед» в свои пятьдесят с лишним лет все еще оставался в строю и обладал недюжинной физической силой и отменной строевой подготовкой. К тому же наравне с курсантами совершал парашютные прыжки.

Погода была ясная и почти безветренная. Щебетание птиц, яркое солнце и свежий воздух делали ответственную должность почти отдыхом на природе. Вдалеке виднелись туристические автобусы поклонников Сергея Есенина, приехавших на его малую Родину в деревню Константиново.

Неподалеку стоял военторговский ГАЗ-66, с которого прямо здесь только что приземлившимся счастливым курсантам продавали фирменный бисквит и газировку.

Полковник посмотрел на столпившихся возле автомобиля юношей и поморщился. Только на прыжках курсантам позволялись подобные вольности, а заместитель начальника училища по учебной части этого не терпел.

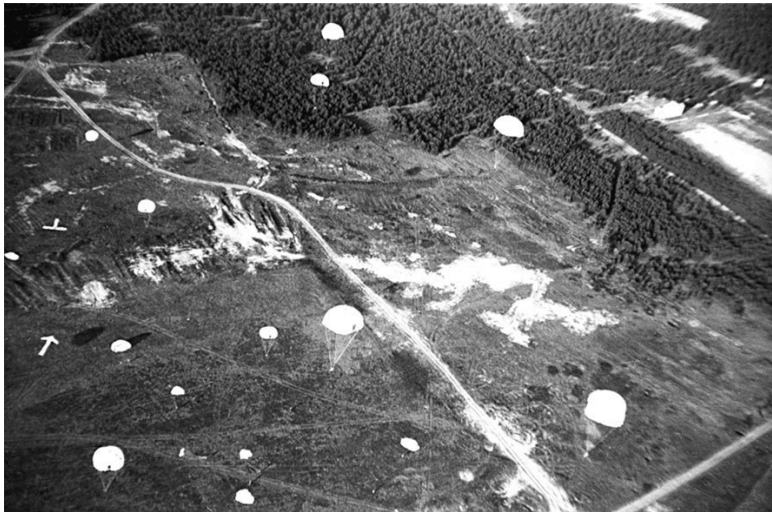
Гул самолета был совсем близко, и Ашихмин задрал голову в небо. Началась выброска. Белые купола один за другим распускались в голубом и безбрежном небе. Полковник повернулся и искал глазами стул, чтобы, наконец, присесть на минуту до следующего захода огромного транспортника Ан-22.

В этот момент в спину ему ударила тугая волна воздуха. Прямо из-под руки вылетел раскладной стул, взмыл в небо и исчез в мгновенно поднявшемся пыльном вихре. Поднялся на дыбы и стол, тяжелая радиостанция упала и как пушин-

ка покатила по полю. Радист обеими руками пытался прижать наушники, но не успел, и те также растворились в вышине посеревшего неба.

На сборном пункте возникла легкая паника. В первый момент никто даже не подумал о судьбе парашютистов, которые уже были на высоте не более двухсот метров над площадкой. Под напором ураганного ветра купола приняли почти горизонтальное положение, почти параллельное земле и курсанты так и падали, ударяясь всем телом о твердый грунт площадки приземления, а дальше мчались, влекомые парашютами-парусами, с огромной скоростью.

Ашихмин за рулем командирского УАЗа уже на всем ходу мчался за ближайшим парашютистом, чтобы автомобилем погасить купол и... не мог догнать. Его примеру тут же последовал и военторговский ГАЗ-66, санитарный кунг, прочие автомобили, которые находились здесь же.

Площадка приземления Житово

Все, кто был на пункте сбора, кинулись в поле спасать своих гибнущих друзей, гасить мчащиеся под напором шкального ветра купола. Благо, что сборный пункт оказался с наветренной стороны. Даже местный парень-пастух метался по полю на мотоцикле, ему удалось с разгона врезаться в один из парашютов и тем самым спасти потерявшего сознание от удара о кочку лейтенанта Попова. Его и упавшего пастуха еще долго несло по полю, пока купол, наконец запутавшись в мотоцикле, не погас.

Некоторых парашютистов восходящий порыв ветра приподнимал над землей и вновь обрушивал вниз. Так погиб

курсант Пертюков. Его захватило двумя стропами вокруг шеи и удавило.

Все закончилось так же мгновенно, как и началось. Люди были шокированы внезапной трагедией. Будущий генерал и политический деятель, лейтенант Лебедь остановил ехавший ему навстречу военторговский ГАЗ-66. Автоматически заглянул в кузов и увидел торчавшие из-под скомканного парашюта сапоги. Заскочил внутрь и, раскинув в стороны окровавленный шелк, увидел старшину Оськина. Череп его был разбит. На огромной скорости курсант врезался головой в бетонный фундамент опоры ЛЭП. Парню едва исполнилось 22 года.

Еще одного парашютиста постигла та же участь – на его пути оказался валун, острый выступ которого проломил лоб несчастного юноши.

Самую мученическую смерть принял курсант Лютов. Его протащило более трех километров по полю, затем по луговине, затем перенесло через небольшую речушку. Здесь его ударило о высокий берег и понесло к деревне. Неизвестно, где бы он в результате оказался, только на околице он зацепился глазницей за металлическую скобу и повис на заборе. От комбинезона остались одни лохмотья, сапог не было, а вместо пальцев на ногах торчали кости.

Четверо курсантов и два офицера получили тяжелые травмы и были госпитализированы. Остальные отделались ободранными коленями, локтями и синяками на лице.

Через десять минут над площадкой приземления царил полнейший штиль. Природа замерла в безмолвии, как будто испугавшись содеянного ею. Прыжки были остановлены. В дальнейшем ни один из курсантов не подал рапорта об отчислении из училища.

Таким образом, 26 мая 1976 года, за два месяца до приезда в Рязань, судьба моя была решена и, как выяснилось позже, не только моя.

Прощание проходило в клубе училища. Курсанты входили в дальнюю дверь, проходили мимо погибших, а затем выходили через ближний вход и выстраивались в две шеренги лицом друг к другу, образуя широкий коридор. Затем гробы несли на руках вдоль строя курсантов по плацу, мимо спортзала по центральной дороге, которая теперь называется Аллея героев. Снаружи перед КПП стояла огромная толпа гражданских. Внутри ждали несколько автомобилей ГАЗ-66. Гробы погрузили в кузова, последний раз для погибших открылись ворота, и траурная колонна автомашин двинулась в Дягилево, откуда ещё двое суток назад эти четверо курсантов вылетели на прыжки, а теперь отправились в свой скорбный путь.

Кальсин Ю. А. похоронен в г. Королев Московской области,

Лютов Н. Н. – на одном из кладбищ Москвы,

Оськин С. М. – в г. Ковылино Мордовской АССР,

Пертюков Е. И. – в г. Пестов Новгородской области.

Рязань рыдала. Тогда это казалось невыносимой трагедией. Уже через несколько лет началась Афганская война, а потом и вовсе гибель военных стала хотя и горьким, но обычным явлением.

Глава 2. «Абитура». Поступление

Два месяца спустя, г. Рязань.

Так уже было однажды. Год назад. Точно так же поезд прибыл в шесть часов утра на станцию Рязань-1. Точно так же, несмотря на ранее утро, ослепительное, но еще не жаркое солнце озаряло светом полупустой перрон. Точно так же на привокзальной площади пахло летом и свежими огурцами. Поливальная машина прибывала еще не нагревшуюся пыль к бордюрам и смывала ее в сточные колодцы.

Разница была лишь в том, что в прошлый приезд у меня был официальный вызов из учебного отдела Рязанского воздушно-десантного училища, а в этот раз – только мое личное дело в спортивной сумке. А еще теперь я знал короткий путь до КПП, но двинулся все той же, что и в первый раз, длинной дорогой – по улице Ленина до площади с таким же названием, затем налево через сквер мимо училища МВД.

Этот путь я выбрал потому, что торопиться было некуда – офицер учебного отдела должен был появиться на КПП не раньше девяти часов утра. Там уже топтались несколько абитуриентов. Примерно без четверти семь ворота открылись, и мимо нас, грохоча сапогами, повзводно пробежали голые по торс заспанные курсанты. Возвращались они другим путем – мимо «сучьего» парка через автопарк на спортгородок –

это тоже я уже знал.

В соответствующее время вышел дежурный по КПП, махнул потенциальным абитуриентам рукой. По ту сторону ворот их ждал посыльный по штабу, который сопровождал юношей в учебный отдел училища, где за столом дневального по штабу сидел секретарь приемной комиссии майор Вдовин. К нему гурьбой ринулись счастливики, протягивая предписания. У меня такового не было, и я в последнюю очередь вместо командировочного удостоверения протянул призывное дело.

Офицер принялся тут же его перелистывать и внимательно изучать. «Издадека», – задумчиво протянул он. Потом с удовлетворением, то ли вопросительно, то ли утвердительно, констатировал:

– Поступал уже в прошлом году?

– Так точно, товарищ майор! – как можно бодрее отозвался я.

Тот удивленно вскинул на меня глаза, хмыкнул и произнес:

– Ну, тогда пошли.

Секрет его благосклонности заключался в том, что в результате трагедии конкурс на поступление резко упал. Если ни один курсант не написал рапорт на отчисление, то «абитура», узнав о недавней гибели, в значительном количестве ринулась обратно, не дожидаясь экзаменов. Поэтому я, не блиставший ни отличными знаниями, ни высокой физиче-

ской подготовкой, предварительно был зачислен в кандидаты на поступление.

В той первой попытке мне повезло – я не прошел по конкурсу и отправился домой. Зато я узнал о «секретном» иностранном факультете и теперь намеревался сдавать экзамены именно туда.

После долгих формальностей в учебном отделе я наконец оказался в казарме, но в другой, нежели в прошлом году. Так получилось, что тогда нас поселили в старом корпусе на третьем этаже. Именно это расположение в дальнейшем послужило мне родным домом на долгие и в то же время короткие четыре года.

Уже немного знакомый с воинскими порядками я не бухнулся с размаху, как в прошлом году, на кровать, но после сдачи вещей в каптерку скромно присел за стол в ленинской комнате.

Наступало обеденное время, и расположение наполнилось шумом и гомоном. Дверь в ленинскую комнату распахнулась, и в помещение ворвался радостный голубоглазый блондин. Со всего размаху он уселся на стул и счастливо сообщил мне: «Все! Я поступил. – Бросил на стол тетрадку и тут же прокомментировал свое действие: – Письмо родителям буду писать!»

Это был Юра Манюхин. Письмо он намеревался писать в Марьину Горку, где на тот момент дислоцировалась пятая бригада спецназа ГРУ ВС СССР, в которой отец Юры слу-

жил начальником службы артвооружения. Все это, включая имя юноши, я узнал позже, когда мы вместе, в составе взвода, бодро шагали в сторону автопарка после поступления.

У Юрия Ивановича Манюхина интересная военная биография. После РВВДКУ он попал служить домой – командиром 3-й группы 1-й роты 1-го отряда 5 ОБрСпН БВО, откуда весной 1983 года уехал в Афган на должность заместителя командира 459-й роты СпН 40-й армии, горел в БМП. После ДРА Юрий Манюхин с ноября 1984 был первым и единственным командиром особой учебной роты ТуркВО, в марте 1985 года ставшей 1-й ротой сформированного 467 ОУПСпН ТуркВО, который готовил разведчиков разных специальностей для службы в Афганистане. В дальнейшем, с 1987 по 1989 год, капитан, а позднее майор Манюхин командовал старейшей в СпН 75-й ротой в ЮГВ. Подполковник Манюхин прошел несколько войн и вооруженных конфликтов. Умудрился даже повоевать в одной из африканских стран. Остался цел, и почти невредим, не считая тяжелой контузии. На 2013 год проживает в Марьиной Горке (Белоруссия).

Курсантов в тот момент в училище не было – все подразделения находились в учебном центре, а затем были отправлены в отпуска. Все, кроме вожденной 9 роты, которая несла каральную службу.

На следующий день утром я уже стоял в строю после тяжелой зарядки и скудного, как тогда показалось, завтрака, готовый отправиться на самоподготовку. Даже мне, более или менее системно занимавшемуся спортом, шестикилометровая пробежка, а затем силовые упражнения на спортгородке показались трудными. Так начался отбор еще до начала экзаменов. Некоторые юноши вместо занятий молчком собрали вещи и отправились домой. Провожали их без ехидства, понимая, что конкурентов стало меньше. Оставшиеся чувствовали себя почти героями, познавшими и успешно преодолевшими трудности суровой курсантской службы. Только потом и даже не в училище мы, те, кто выпустился и получил офицерские погоны, поняли, что трудности – это нечто иное, не имеющее единого термина и превышающее обычные человеческие возможности.

Стоят: курсанты Скирта (слева), Пятаков. Сидят (слева направо): Вячеслов, Зимняков, Манюхин

Через несколько дней третий этаж казармы, где жили кандидаты на «спецфакультет», изрядно опустел. Уж не знаю почему, но в первых рядах беглецов оказались приехавшие из союзных республик. Особенно это касалось молдаван и юношей из азиатских регионов, среди которых было немало круглых отличников и медалистов.

Вдоль разношерстного строя прохаживался сержант ВДВ со строгим голосом, но добрым лицом и поторапливал опоздавших. Коля Малинин, так звали сержанта, оказался действительно добрым малым и в то же время требовательным

командиром. К нам он относился по-братски, помогая освоить азы казарменного быта. В дальнейшем он возглавил третью отделение нашего второго взвода, которое изучало французский язык, вплоть до отчисления из училища. Николай уволился сам. Через два года написал рапорт, и его, как давно выслужившего все сроки, довольно легко отпустили. Редкий случай. Уже через несколько месяцев мы узнали первую истину: «в спецназ попасть очень сложно, уйти, практически, невозможно».

Сержант Малинин снисходительно окинул критическим взглядом разношерстный строй абитуриентов, скомандовал: «заправиться» – и через несколько секунд прозвучала следующая команда: «выходи строиться на самоподготовку». Так началось недолгое по времени поступление на иностранный факультет.

Нестройными рядами в колонну по четыре мы шагали в один из учебных корпусов, а над плацем раздавалась песня. Два парня сидели на училищной трибуне и пели, аккомпанируя себе на гитарах. Это звучало настолько профессионально, что в первый момент мне показалось, что транслировался эстрадный концерт. Чистые и красивые голоса дружно вытягивали самые сложнейшие ноты. Юноши неразличимо подходили друг на друга. Перед ними сидела толпа слушателей, изредка аплодируя. По всей видимости, это были те счастливые абитуриенты, которые уже сдали экзамены в первом потоке.

При кажущейся строгости порядков «абитура» чувствовала себя достаточно вольготно. После обеда мало кто находился в жарких аудиториях. В основном молодежь обреталась на парашютном или спортивном городке с учебниками в руках. Отправился туда и я.

На турниках и спортивных брусьях молодые люди бравировали друг перед другом физической подготовленностью. Там мне делать было нечего. Мне, серьезно занимавшимся легкой атлетикой, хвастать на перекладине особо было нечем, поэтому я облюбовал себе место на трибуне.

Осмотревшись по сторонам, я увидел скромного парня в модной по тем временам цветастой рубаше и синих тренировочных штанах. В руках у него был учебник немецкого языка. Это меня заинтересовало, я пересел поближе и спросил:

– Иняз будешь сдавать?

Тот кивнул и по-прежнему смотрел в учебник.

– В девятую? – не унимался я.

На этот раз юноша поднял глаза и спросил:

– Ты тоже?

Я подтвердил, и завязался разговор. Парень говорил, то и дело сползая на украинский в крайнем его проявлении – с «западенским» говорком. Иногда мне даже приходилось ему подсказывать некоторые русские слова. Оказалось, что нелюдимость Валентина – так звали парня – в основном обуславливалась его плохим знанием русского, а на деле он оказался очень общительным и доброжелательным человеком.

Родом Валя был из села Хмельницкой области, Камень-Подольского района. Порой он с трудом подбирал слова, но, тем не менее, поведал мне, что сомневается в поступлении и как запасной вариант рассматривает цирковое училище.

Так началась наша дружба, которая продлилась четыре года, и лишь офицерская служба, а затем глобальные события отрицательного свойства разлучили нас, что вовсе не изменило мои братские чувства к нему.

Своим коньком я не без оснований считал английский язык. Благо, что окончил специализированную школу с преподаванием ряда предметов на английском языке. Надежды мои оправдались.

У входа в казарму. Курсанты (слева направо): Казанский, Ежков, Скирта, Ганчук, Пятаков

Первым экзаменом и был как раз иностранный язык. Этим же вечером Калинин уже в который раз построил абитуриентов, достал листок и зачитал фамилии. Затем, поднял глаза, окинул всех взглядом, выдержал паузу и равнодушно произнес: «Выйти из строя». Команда была немедленно выполнена, и тут же прозвучала следующая: «Направо, в каптерку за получением вещей – шагом марш!»

Это означало, что вышедшие из строя экзамен завалили и теперь должны были получить вещи и освободить помеще-

ние. В казарме раздался глухой стон разочарования с одной стороны и глубокий вздох облегчения с другой.

Я остался в строю. Валя Ганчук тоже. По этому предмету я получил отметку «хорошо». Второй такой же балл получил уже упомянутый Юра Манюхин.

Экзамен по русскому языку письменно, сиречь сочинение, отличался от прочих, пожалуй, только тем, что вышедших из строя на вечерней переключке оказалось значительно больше.

Казарма заметно опустела. Теперь уже было много ни кем не занятых и аккуратно заправленных без постельного белья кроватей. Меньше стало абитуриентов, и достаточно легко стало занять место в ленинской комнате для учебы после отбоя.

На экзамене по физике преподаватель порекомендовал мне поступать с такими знаниями на инженерный факультет и поставил «отлично», сразу объявив об этом, поэтому вечером на построении я чувствовал себя уверенно.

Наконец был сдан последний экзамен. К этому времени все оставшиеся абитуриенты были переселены в один из кубриков расположения роты. Иными словами, теперь нас стало не более одного взвода, поэтому команда на построение выполнялась очень быстро. Никого не пришлось ни ждать, ни разыскивать. Уже в ранге заместителя командира взвода сержант Малинин начал перечислять фамилии.

Я не поверил своим ушам, когда услышал и свою. Оглу-

шенный очередной неудачей, не помня себя от расстройства, вышел и привычно развернулся лицом к строю. Валька Ганчук тоже оказался рядом со мной, но легче от этого не стало.

Вихрь мысленного возмущения и обид в моей голове был прерван неожиданной командой Малинина: «Нале-во! В расположение шагом марш. Отбой!» Вероятно потому, что нас оказалось меньшее количество, а может быть, ему просто дали список зачисленных, он сделал именно так – вывел из строя тех, кто поступил, а остальных отправил в каптерку.

Следующий день оказался свободным, и после обеда я был вызван на КПП – ко мне приехала мама. Я взял сумку, которая, к слову, до сих пор валяется у меня в чулане, и беспрепятственно вышел на улицу Каляева. По-видимому, меня посчитали не поступившим, и несколько часов я пробыл в городе с мамой, откуда вернулся уже налегке и постриженный наголо.

Мои новые друзья чудачили и развлекались. В казарме стоял гомерический хохот, даже всегда серьезный и насупленный сержант Малинин по-свойски смеялся вместе со всеми. После того, как мы были зачислены, в нем произошли неуловимые изменения по отношению к нам.

Между тем веселье продолжалось. Посреди кубрика на табурете сидел Ганчук, а над ним с ножницами в руках колдовал Вадик Курашов, бесстрашно отхватывая пряди волос. Через несколько мгновений на затылке у Вальки сияла огромная лысина, и теперь он походил на монаха-капуцина.

Все вновь покатались со смеху, но это было еще не все. Вадик опять усадил Ганчука на табурет, все тем же нехитрым манером увеличил проплешину до лба – и перед нами сидел скабресный старичок, умело изображенный владельцем лысины. Затем каждый из нас имел счастливую возможность пройтись электробритвой по стриженной голове Валентина, которая, в конце концов, засияла как солнце.

Следующим стал сам Вадик Курашов, и к ужину на построении уже все сверкали лысыми головами. В тот момент мы радостно смотрели в будущее, представляя себя героическими и мужественными офицерами ВДВ. Увы, это был мираж, отнюдь не соответствующий суровой и простой действительности, с которой был прекрасно знаком фронтовик полковник Ашихмин.

Утром следующего дня оба потока поступивших уже сидели в большом лекционном зале, сокращенно БЛЗ, и невнимательно слушали наставления командиров. Тогда выяснилось, что талантливые «поющие» братья-близнецы, Сергей и Александр Лавровы из Горловки, тоже оказались нашими однокашниками, а Николай Малинин стал командиром одного из отделений. К моему удивлению, заместителем командира взвода оказался тот самый сержант, которого я помнил еще по первой попытке поступления. Выяснилось, что он тогда тоже не поступил и стал курсантом только что. Звали его Михаил Будилов.

На обед мы уже шли общим с инженерным факультетом

строем, плетясь в хвосте колонны. Здесь были и разношерстно одетые гражданские абитуриенты, были и солдаты, поступившие из войск, а также и суворовцы уже наряженные в парадную курсантскую форму. Так называемые «кадеты» экзамены не сдавали, а были зачислены по результатам окончания суворовского училища. Наша юность осталась на третьем этаже казармы, только мы об этом еще не знали.

А пока мы бодро шагали по центральной дороге, которая вела к выходу на КПП и одновременно – к столовой. Атмосфера невероятного счастья владела этими короткостриженными пацанами. Не нарушали общего настроения своих подчиненных и командиры рот: старшие лейтенанты Крикунов и Алымов, а также старший лейтенант Солуянов. Последний впоследствии стал Героем Советского Союза.

Теперь это место в училище называется аллея Героев, а некоторые из тех юношей, что шли тогда здесь в далеких 1976-м и других годах, остались тут навеки отлитыми из бронзы памятниками.

После приема пищи наш взвод под командованием уже сержанта Будилова направился на кафедру иностранных языков. Если не считать экзамена, мы здесь в таком составе были впервые и едва разместились в единственном большом классе. Несколько минут мы сидели в ожидании, наконец дверь открылась, и тут же прозвучала команда «встать, смирно!». Мы дружно загрохотали стульями и замерли. В класс вошла делегация из нескольких офицеров. К нашему

удивлению, ее возглавлял полковник в общевойсковой форме. Грубые черты лица придавали ему брутальности и, как мне тогда показалось, суровости. Он по-свойски махнул рукой, и мы уселись на места. Представился он полковником Лаврёновым.

Офицер расположился за преподавательским столом, внимательно оглядел сидящих перед ним пацанов и начал говорить.

Как мы узнали значительно позже, это был будущий начальник 5-го управления ГРУ, или, как его называли в местном обиходе, «директор спецназа», а на тот момент он занимал должность заместителя начальника направления.

Говорил Лаврёнов недолго, после общих и ободряющих фраз он произнес: «Вопросы есть?» Сначала воцарилась тишина, а потом чей-то робкий голос спросил: «Скажите, пожалуйста, а куда мы поступили?»

Полковник помолчал, нахмурил и без того мрачноватое лицо и как-то внушительно и серьезно сказал: «А вот это вам, ребята, знать еще рано». Вот тут мы поняли, что иностранный факультет к языковой деятельности, похоже, имеет опосредованное отношение, а предстоит нам нечто более важное и ответственное.

* * *

Семь лет спустя. Афганистан, провинция Кабул, 1983

Жара наступала, вода кончалась. Провизии изначально много не брали. Кончались и терпение, и силы, в основном моральные. Ничто так не выматывает, как долгое ожидание и бездействие, а еще неизвестность. Группа старшего лейтенанта Ганчука уже четвертые сутки находилась в засаде, увы, безрезультатно. По информации, исходившей из мутных недр Царандоя, здесь должен был пройти караван душманов с боеприпасами и вооружением.

Умело оборудованные позиции хорошо скрывали бойцов от постороннего взгляда, но не могли уберечь от солнца и жары. На вероятном пути прохода противника Валентин распорядился установить осколочную мину направленного действия МОН-50. Сейчас он лежал на спине за большим валуном и смотрел в небо, внимательно прислушиваясь к каждому шороху, лишь изредка посматривая вниз по склону.

Бойцы дремали после напряженной ночи, ведь именно темное время суток было самым вероятным для появления «духов». Мучила жажда. Ганчук облизал сухим языком потрескавшиеся губы и посмотрел на часы. До эвакуации группы оставалось 85 минут, уже скоро можно собираться и выходить на точку «забора», благо это было совсем рядом.

Валентин достал фляжку с теплой водой, поболтал ею в воздухе и начал отвинчивать пробку. Бойцы радостно ожились – пить разрешалось исключительно по команде, а

действия старшего лейтенанта означали, что распоряжение вот-вот прозвучит. Так оно и случилось. «По три глотка», – определил норму командир, но сам сделал только один.

Вдруг все замерли. Внизу слышались осторожные шаги. Ганчук посмотрел в узкую щель между камней и, скорее сам себе, прошептал: «Не стрелять». Между камней в полный рост двигалась группа вооруженных автоматами «духов», а также несколько вьючных животных.

Лежавший рядом сержант осторожно зажал в кулак портативную подрывную машинку ПМ-4, перевел выключатель в режим «взрыв» и приложил ладонь к толкателю. Все бойцы изготовились к бою, однако было необходимо выждать и дожидаться сам караван, и он не замедлил появиться.

«Огонь», – скомандовал Ганчук, боец ударил ладонью по толкателю ПМ-4, грохнула МОН-ка – и несколько «духов», как будто им подрезали сухожилия под коленками, резко осели на землю. Далее вновь воцарилась полная тишина. По предварительной договоренности огонь из автоматов не открывали.

Одновременно с взрывом один из бойцов задел рукой приготовленную гранату, которая лежала перед ним, и та покатила вниз. Все замерли, но бородачи, застигнутые врасплох неожиданным взрывом, этого не заметили и принялись палить во все стороны, а граната между тем, остановилась, уткнувшись по стечению обстоятельств в уцелевший колышек от растяжки, которая была установлена для подстрахов-

ки.

Осела пыль, стихла беспорядочная стрельба. Группа по-прежнему не выдавала себя. В таких обстоятельствах это было главное преимущество, и особым чутьем Валентин решил, что этого на данный момент нельзя было лишаться. Тем более что до прибытия вертолетов оставалось около пятидесяти минут.

Душманы, по-видимому, подумали, что попали на случайное минное поле. Один из них поднялся и чуть продвинулся вперед с целью разведать дорогу. Вдруг он увидел гранату возле колышка и дал команду остальным собратьям замереть. Те немедленно выполнили команду, а бородач принялся тщательно прощупывать грунт пальцами, очевидно в поисках мины-ловушки.

Ганчук время от времени поглядывая на часы, внимательно наблюдал за происходящим. Вдруг из ущелья появились несколько душманов, а следом выючный верблюд, потом еще один в сопровождении бородачей, еще и еще...

Командир начал было считать их, но потом перестал. Караван полностью вывернул из ущелья и остановился, вероятно, получив команду от головной группы, которая сейчас пыталась определиться с несуществующим минным заграждением.

Кто-то из бойцов удивленно охнул, а Ганчук шепотом произнес: «Человек сто или сто двадцать, не считая выючных. – Помолчал и спросил, ни к кому не обращаясь: – Что

будем делать?» Пропускать такое было нельзя, но и силы были чересчур неравными.

Верблюды стояли, переминаясь с ноги на ногу, «духи» тоже нетерпеливо посматривали вперед, пытаясь определить причину заминки. Валентин опять посмотрел на часы: теперь уже с минуту на минуту должны были прилететь «вертушки», и он решил рискнуть. По всей видимости, первый небольшой караван был отвлекающим, а теперь в силу случайных обстоятельств подошел основной.

«К бою!» –скомандовал командир, распределил цели и громко произнес: «Огонь!» Первый же выстрел РПГ-18 попал в емкость с горючим, которая была закреплена на одном из верблюдов. Полыхнул взрыв, потоки невидимого, но слышного свинца срезали врасплох бородатых. Завязалась перестрелка. Вьючные шарахались из стороны в сторону и наконец падали под пулями разведчиков. Духи укрывались за их трупами и ожесточенно вели ответный огонь. Бой достиг своего апогея, и в этот момент послышался гул приближающихся «вертушек».

Командир сразу связался с ними, скорректировал местоположение группы относительно противника, и летчики незамедлительно начали свою боевую работу. С шипением и свистом с консолей срывались НУРС-ы и достигали своей цели, превращая мандекс в мешанину мяса и камней.

Скоро все было кончено. Командир группы старший лейтенант Ганчук рискнул и выиграл. Пилоты не подвели и при-

были точно в срок. При схожих обстоятельствах погиб Олег Онищук – тогда в силу разных обстоятельств помощь опоздала.

На тот момент это оказался едва ли не крупнейший караван. За этот бой Валентина намеревались представить к высокой награде, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза, но ввиду сложившихся вокруг него обстоятельств отрицательного свойства, о которых я бы не хотел говорить без согласия главного действующего лица, ограничились орденом Красной Звезды. В дальнейшем Валентин еще получил очередное звание капитана досрочно.

Эпизод изложен при помощи моей фантазии, но со слов Валентина Ганчука, рассказанного им в 1985 году. В деталях возможны расхождения с действительностью, но не более того.

Глава 3. Карантин. Начало

Рязанская область, берег реки Окив районе Кузьминское – Константиново

Я лежал на крутом косогоре и мечтательно смотрел в голубое небо, представляя себя парящим под куполом парашюта. Вокруг открывалась необъятная взглядом ширь. Передо мной извивалась серая лента Оки, теряясь в безбрежных далах рязанских полей. Есенинские строки «...и рассыпалась мгла в беспредельную даль, с отягченной груди отгоняя печаль...» написаны именно об этих местах.

Несколько минут назад колонна автомобилей спустилась по извилистой дороге с крутого яра на околице села Кузьминское, молодое пополнение воздушно-десантного училища спешилось и теперь с наслаждением попадало на зеленую траву в ожидании парома, который только отчалил с противоположной стороны Оки.

Этот берег с небольшим деревянным причалом был едва ли не самым любимым местом курсантов всех времен и, уверен, остается таковым и теперь. Именно здесь можно было вольготно провести, если повезет, добрых полчаса в сладкой дреме и отдыхе, развалившись на траве в ожидании дощатого парома, а потом еще подышать свежим речным воздухом во время переезда через Оку. Страшным невезением счита-

лось, если вдруг натужно тарахтящий катерок как раз подтаскивал утлое суденышко к этой стороне.

Наконец прозвучала команда «подъем», и еще не курсанты, но уже и не абитуриенты потянулись к бревенчатым подмосткам, где причаливал паром. Через пятнадцать минут мы уже сходили на противоположном берегу, и нас сразу же направляли к большой палатке. Таковых было растянуто несколько. Чуть дальше дымились походные кухни.

Здесь, на пункте приема личного состава, все действовало четко и быстро. Уже через несколько минут мы стояли одетые в новенькие гимнастерки без погон и в пахнущих текстилем пилотках. Я стоял в крайней колонне, и сержант Малинин, осматривая внешний вид подчиненных, глядя на меня, с удовлетворением хмыкнул. Видимо, ему понравилось, как на мне, лысом и лопоухом, сидела военная форма.

Николай Малинин тут же раздал только что полученные им от прапорщика вещевой службы картонки с иголками и нитками трех цветов – черного, зеленого и белого. Затем показал, что с этим делать, и мы принялись приторачивать солдатские швейные принадлежности к внутренней стороне пилотки.

На следующем этапе каждому из нас поочередно другой прапорщик обмерял овал лица и тут же вручал противогаз соответствующего размера. Малинин отдал мне знакомую еще по школьной военной подготовке команду «газы», которую я довольно сносно выполнил, затем развернул меня кру-

гом, подтолкнул и я оказался в небольшой палатке.

В полутьме я увидел майора, сидящего за столом. Как выяснилось впоследствии, это был начальник химической службы и преподаватель соответствующего предмета майор Сурконт. Еще позже мы узнали его неблагозвучное прозвище «Пиздисят» – именно так он с особым удовольствием произносил цифру «пятьдесят».

Он также был одет в противогаз. По едва ощутимому покалыванию в глазах я понял, что здесь был распылен слезоточивый газ. Майор довольно отчетливо произнес: «Нормально?» Я в ответ кивнул головой и был немедленно выдворен начальником химслужбы наружу, где тут же получил команду «отбой газам», с удовольствием снял резиновую маску, вытер пот и встал в строй таких же счастливицков с противогазными сумками на боку.

До походного ужина мы успели пришить к ним фанерные бирки с фамилией владельца. Тогда же я узнал вторую армейскую истину – «солдат без бирки, что вагина без дырки». Вместо слова «вагина», разумеется, было использовано другое, совсем уж не литературное слово.

Первую истину я узнал еще в прошлое поступление, которая гласила, что все в казарме должно быть пусть и «безобразно, но однообразно».

После того, как мы из гражданских по внешнему виду стали военными людьми, наступил черед ужина. Дисциплинированно мы выстроились в очередь к одной из дымящих по-

ходных кухонь. Я получил в алюминиевую тарелку ком рисовой каши с тушенкой и отошел в сторону, присматривая, где бы можно было поглотить вожаделенную пищу. Присмотрев удобное местечко на берегу заросшей водорослями старицы, зашагал туда, и тут у меня случился небольшой конфликт с коренастым и невысокого роста курсантом. Когда я отказался отдать ему первенство в борьбе за удобное место, он сильно разозлился от моей наглости. Неизвестно, чем бы это закончилось, но Малинин по-свойски окрикнул курсанта: «Саня, дуй к парому, там к тебе сестра приехала». На этом инцидент был исчерпан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.